

Морозная мгла окутывала скотный двор.

Внутри тускло светили лампочки, было тепло.

– Давай, Сивый, оставайся главным! – хрипло скомандовал Гоша.

И споткнулся о доску, упал. Сено, которое нёс в кормушку, оказалось на полу.

– У-у! – погрозил кому-то, поднимаясь. – Свалить захотел? Фиг тебе!

В густой с рыжеватым отливом бороде Гоши торчали сенные былинки.

Он дружески посмотрел на Сивого. Рослый бык как будто мотнул мордой.

– Начальствуй, – одобрил Гоша, – а я поеду.

Третьи сутки он не вылезал со двора.

Издержал хлеб, сахар, чай, а сменщика не было. Самовольно оставить быков на откорме не решался – вышвырнут с места. Как-то он показал свой норов начальству, так после год без дела сидел, перебиваясь случайными шабашками.

Под вечер с центральной усадьбы прикатил бригадир.

– Не замёрз ещё? – спросил для вида.

– Живой, слава Богу, – устало ответил Гоша.

– Сменщик Вован в лёжку лежит, – доложил бригадир. – Подожди, подберу другого, а пока отлучись в деревню.

– И на том спасибо! – Гоша пожал ему руку.

От сильного мороза хомут задубел.

Напрягая непослушные руки, Гоша всё-таки стянул хомут, успел завязать его, поставил лошадь в сани, пристегнул вожжи.

И бодро покатил по расчищенному просёлку.

Над головой мерцали большие и малые звёзды.

Вдалеке над лесом висел узкий татарский месяц. Окрестные деревни лежали в безмолвии. «Тишина-то, как сто лет назад!» – подумал он. На взгорке красными огоньками мигала огромная металлическая вышка, построенная каким-то «билайном» – пришельцем из неведомого для Гоши мира.

Въезжая в деревню, где он жил один (в остальные дома прибывали дачники с началом весны), Гоша заметил у крайней избы человека. Привстал в санях, протёр глаза – никого нет. «Наверное, померещилось», – решил он.

Включил электрический фонарь во дворе, распряг коня и повёл в стойло. И услышал за спиной скрипучие на морозе шаги. Теперь это уже не мерещилось.

К нему шёл заросший щетиной тип.

При свете фонаря были видны грязные пятна на штанах, рваная куртка, на голове старая ватная ушанка.

«Из бомжей» – быстро определил Гоша.

Случалось иногда, что такие люди бродили по деревням. Они весной и летом промышляли овощами с огородов, а осенью и зимой – кражами в домах и дачах. Но в его родном Мартынове они бывали редко, Гоша

даже не помнил, когда в последний раз их видел. Может, они чувствовали, что в деревне всё-таки есть жилец, поэтому и опасались заходить.

– Хозяин, подай хлеба, – простуженным голосом попросил бомж.

И, помолчав, еле слышно добавил:

– Христа ради!

Гоша хотел ругнуть нежданного гостя и послать куда подальше. Он и без того смертельно устал с дежурством, а тут ещё подавай кому-то. Но что-то его остановило, может, вот это: «Христа ради!».

– Подожди, – ответил Гоша.

И быстро вошёл в избу.

На кухонной полке была последняя буханка хлеба. Завтра Гоша хотел купить провизии в автолавке, которая заезжала на ферму. Он отрезал полбуханки и вышел.

– На, держи, – подал мужику.

Тот взял хлеб и жадно откусил.

– Куда идёшь? – спросил его Гоша.

– Иду куда-то... – протянул тот. – Спасибо, брат, выручил.

– Ну ладно тогда, – буркнул Гоша.

И они разошлись.

Растопив печь, Гоша отваривал картошку, добавил в неё тушенку, лук.

Пока похлёбка закипала, он прилёг на диване и уснул.

Вскоре заполошно вскочил, думая, что долго спал, хотя прошло несколько минут.

Он вспомнил про лошадь, она ждала тёплого пойла; взял вёдра, включил фонарь, пошёл за водой на колодец.

Уже с водой остановился на дороге.

Тот самый бомж, которому он дал хлеб, будто привидение, сидел на обочине, на снегу.

– Ты чего, ведь замёрзнешь! И волки здесь похаживают, вон лес-то...

Сожрут!

– Пускай сожрут, лекарь тебя возьми, – хрипло выдавил он.

Гоша удивился. Поговорку «лекарь тебя возьми» знала когда-то вся деревня, она была на языке у Мишки Медведева. Лет пять назад он продал родительский дом в Мартынове, и с тех пор не появлялся.

Новые хозяева, купившие избу, тоже не очень-то старались, летом обкосят траву вокруг дома – и привет родителям. Изба осела на один угол.

Гошу чуть не бросило в жар от догадок.

– Лекарь возьми, говоришь? – спросил он. – Не Мишка ли ты – Медведь? Подойди поближе!

Бомж неохотно, полушажками, вступил в свет, падавший от фонаря на дорогу и снег.

Гоша жадно рассматривал его, улавливая в лице что-то давнее, знакомое; но для себя не мог точно определить – Мишка перед ним или нет?

Шмыгнув носом, тот заплакал.

– Это я, Григорий, я! Прости, что не сознался сразу, – бормотал он сквозь слёзы.

Уже давно Гоша не видел, чтобы мужик плакал, ему стало не по себе.

– Ладно, прощаю, – обронил он. – Пойдём в избу.

Гоша снял с плиты похлёбку и разлил поровну.

Мишка взял ложку, выразительно посмотрел на хозяина, а потом щёлкнул пальцем по горлу.

– Не держу хмельного, извини, дорогой, – улыбнулся Гоша. – Лет десять как завязал с этим делом...

Мишка, похоже, не поверил.

Он помнил времена, когда Григорий был большим любителем выпить, а порой напивался до посинения, до беспамятства.

Мишка перевёл взгляд с Гоши на иконы в углу избы.

– Да, только это и помогло, – кивнул Гоша. – Слава Богу!

И он перекрестился.

Молча ели горячую похлёбку.

– Ты, Михаил, как у нас оказался? – спросил Гоша у Медведева.

Мишка отложил ложку, вытер ладонью выступивший на лбу пот.

– Проститься пришёл. Думал, никто зимой-то не живёт в деревне, не знал, что ты здесь обитаешь, – ответил Михаил.

– Проститься? – не понял Гоша.

– Да, проститься, – Мишка о чём-то задумался. – Может, я завтра умру! Умру, и всё, лекарь тебя возьми!

– Вон оно что! – протянул удивлённо Гоша. – Проститься, говоришь.

Интересно!

После пили чай с сухарями.

Мишка молчал, а Гошу так и подмывало на расспросы, но он не хотел тревожить гостя.

Словно почувствовал это настроение хозяина, Мишка вдруг заговорил:

– Может, ты подумал, что я стал вором? – Медведев как-то испуганно посмотрел на Гошу. – Нет, я не ворую, я только бродяжничаю. С этой жидовской перестройкой я потерял работу, не нашел другую. На что жить? Не мог за квартиру заплатить. Хотел в деревню вернуться, а избу родительскую, ты же знаешь, я продал, дурачок. Вот мои сыновья взяли и выгнали меня из квартиры. А чаво, я с ними судиться буду?! Стыдно, Григорий, горько и стыдно, и за них, и за себя.

И он опять завсхлипывал, растирая кулаком слёзы.

Гоша молчал, не зная, что сказать. Он был потрясён горем, которое свалилось на бывшего соседа.

– Ты, Михаил Петрович, не отчаивайся, – наконец обронил он. – Будет день – будет и пицца! Бог не выдаст, свинья не съест.

Мишка улыбнулся, вытер бежавшую к переносице слезу.

– У тебя тут как в раю! Хорошо! А чего один-то? Семья, я помню, была?

– Была да сплыла, – неохотно отозвался Григорий. – История наподобие твоей. Долго рассказывать, да и неохота сейчас, как-нибудь в следующий раз. Вот в материнскую избу из города пришёл. Живу, на ферме в совхозе вкальваю. Помаленьку копчу небо. Лошадь завёл вместо машины. Здесь машина ни к чему, а лошадь – подмога, с ней веселее, хоть дачники и смеются.

Гулко треснуло бревно избы.

– Во мороз шпарит! – отозвался на гул Гоша. – Я три дня дежурил, в сон клонит. Пойду на печку залягу, а ты, дорогой, сам устраивайся на диване, вот тебе подушка, одеяло, простыня.

– Спасибо, Григорий, спасибо! – поблагодарил Мишка. – Я уж от кроватей-то отвык, напоследок хоть отосплюсь, а то вон по осени спал прямо в кювете на окраине Вологды.

Гоша не откликнулся на монолог бывшего соседа. Хозяин буквально заполз на тёплую печь и мгновенно заснул крепким богатырским сном.

Морозная мгла, сгущаясь в неплотный туман, выходила из низин, от опушки леса, и вскоре закрыла собой всю деревеньку.

Белое ночное безмолвие царило в округе.

По крестьянской привычке Гоша проснулся рано, хотел слезть с печи, посмотреть, как там Мишка, но вчерашняя усталость ещё не отошла полностью, и он опять заснул. И проспал на работу, может, первый раз за всю жизнь. «Пусть бригадир с напарником пошевелятся, – успокаивал себя Гоша, когда слез с печи, – а быки от голода не упадут».

Мишка сидел на диване, будто и не ложился.

– Ты чего, не спал что ли? – спросил Гоша.

– Спал, лекарь тебя возьми, за милую душу. Отоспался напоследок.

– Что ты всё заладил: напоследок да напоследок! – не утерпел Гоша.

– Откуда мы знаем, когда он будет, этот твой «напоследок»? Лучше подавайся в монастырь, вон в Прилуки – вот что я тебе скажу. Будешь там чем-нибудь помогать братии, и кусок хлеба, глядишь, будешь иметь.

– Ты это, – спросил Мишка, – правда?

– Давай, давай! Конечно, не зря говорю!

– А что? – глаза у Мишки загорелись. – И попробую!

Они быстро выпили по чашке чая, вышли из избы.

На дровнях, бодро покрикивая на мерина, Гоша подвёз Мишку к автобусной остановке.

Дал ему денег на дорогу до города.

И когда уже переезжал поле, Гоша обернулся и увидел, что Мишка сел на подошедший автобус.

«Ну, с Богом!» – перекрестился.

Дня через два Григорию дали отгул.

Он решил по делам доехать до города.

Зашёл в рейсовый автобус, сел рядом со знакомым мужиком из соседней деревни.

Пожали друг другу руки.

– Не упадёшь? – с усмешкой спросил тот, оглядывая Григория.

– А что такое? – удивился Гоша. – Ты о чём?

– Да вот позавчера, я как раз тоже ехал из дому, зашёл в автобус какой-то бомж. Шох да ворох, а перед городом и окочурился, то есть умер!

– Он же чувствовал! – вырвалось у Гоши.

– Кто чувствовал? – знакомый мужик даже отодвинулся от него.

Гоша промолчал.

И на всём пути не проронил ни слова.